

Псаломъ 76.

НАДПИСАНІЕ.

Ст. 1) Въ концѣхъ, ѡ іѡдѣмѣ, ѡмѣмъ іѡдѣмъ (въ Евр. Начальнѣйшемъ пѣвцѣ іѡдѣмѣ, ѡмѣмъ іѡдѣмъ).

СОДЕРЖАНІЕ.

Духъ Святый устами Давида, или псалмопѣвца Асафа, преподаетъ здѣсь общій образецъ молитвы отъ лица бѣдствующія церкви, которая будучи и въ самыхъ лютейшихъ гоненіяхъ, объты свои возсылаетъ къ небу. Отсюда явствуетъ, что здѣсь изображается скорбь не одного какого либо частнаго человѣка, но стенаніе и плачь избраннаго народа. Между тѣмъ Пророкъ научаетъ, чтобы мы, унывающіи во искушеніяхъ, духъ обращали къ созерцанію чудесныхъ Божиихъ дѣлъ, и симъ укрѣпляли вѣру и надежду свою на Бога.

ТОЛКОВАНІЕ.

2) Глаголюмъ моимъ ко гдѣ възвѣхъ, глаголюмъ моимъ къ бгѣ, и внѣтъ мнѣ.

3) Въ день исорен моеа бга възвѣхъ рѣкѣмъ моимъ, ноцію предъ нимъ, и не прельщенъ быхъ (въ Евр. ноцію рѣкѣ мой протѣрты быша, и не возмоготѣ): ѡвѣржеа ѡтѣшнѣа дѣша моа.

Здѣсь не простая жалоба приносится къ Богу какъ нѣкоторые толковники мнятъ, аки бы Пророкъ удивлялся тому, что Богъ, Который прежде милостивно внималъ молитвамъ его, нынѣ не слышитъ ихъ, и что онъ безъ успѣха призываетъ Его. Намъ вѣроятнѣе мнится, что онъ глаголетъ здѣсь или о настоящей скорби своей, или воспоминаетъ о прошедшихъ бѣдствіяхъ. Но первое мнѣніе приличнѣе мѣсту сему. Пророкъ объявляетъ, koliko печалію былъ онъ объять при настоящихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ. Но во вторыхъ повѣствуетъ, что онъ не на воздухъ произносилъ свой вопль, какъ многіе, не терпя болѣзней, безразсудно дѣлаютъ, но прямо къ Богу гласъ свой обращалъ, когда нужда исторгла вопль, аки бы сказалъ: когда я зывалъ, то гласъ мой къ Богу возносился, а не на воздухъ изливался. Потомъ показываетъ, что онъ въ прилежномъ моленіи не ослабѣвалъ, хотя и часто надлежало вопли повторять. Сугубое повтореніе имени Божія служить къ подтвержденію вѣры его, а союзъ — и — полагается вмѣсто нарѣчія винословнаго — *ибо*: аки бы сказалъ — я зываю къ Богу, *ибо* Онъ милостивъ и внимателенъ ко мнѣ. Въ слѣдующемъ стихѣ яснѣ изображаетъ, коль бѣдственно и долговременно было страданіе церкви. Ибо когда говоритъ, что онъ въ день скорби искалъ Бога, и руки свои ноцію простиралъ къ Нему; то сіе раздѣленіе означаетъ непрерывное продолженіе времени. Послѣднія слова стиха должно разумѣть такъ, что душа Пророка хотя никакого утѣшенія ко облегченію страданій не обрѣтала, однако онъ не престававалъ простирать рукъ своихъ къ Богу. Ибо искать Бога днемъ и ноцію не что иное есть, какъ непрестанно молиться. И потому часто случается, что тѣ, которые такимъ образомъ ищутъ, обрѣтаютъ Бога, Котораго чрезъ умозрѣніе или чрезъ чтеніе обрѣсти не могли.

4) Поманѣхъ бга и възвелѣхъ (въ Евр. и еманѣхъ): поглѣмѣхъ (въ Евр. помѣлѣхъ), и млодѣшествоваше дѣхъ мой.

5) Предваритѣ стравѣ ѡчи мои: еманѣхъ и не глаголахъ.

Здѣсь множайшими словами изображаетъ зѣльность скорби своей, и купно показываетъ тяжесть бѣдствія: *ибо* говоритъ, что и самое то, что составляло единственное утѣшеніе въ печали, сдѣлалось причиною безпокойства. Инымъ странно покажется, что благочестивая душа мятется при воспоминаніи Бога. *Помянухъ, глаголетъ, Бога, и смятохся.* Не удивительно, что люди невѣрные ужасными терзаются муками: *ибо* удаляясь отъ Бога, праведную казнь за то приемятъ. Но когда благочестивый мужъ глаголетъ, что онъ хотя и воспоминалъ о Богѣ, однако скорбь его неисцѣльна пребывала, сіе кажется странно. Но сіе мѣсто научаетъ, что какою бы печалію ни были мы обременяемы, не должны унывать и отчаяваться въ призываніи Бога, какъ видѣли мы въ началѣ псалма сіе творяща Пророка. Ибо хотя часто случается, что воспоминаніе Бога при несчастныхъ

обстоятельствах умножает мучение въ людяхъ благочестивыхъ; но сіе происходитъ въ нихъ не отъ чего другаго, какъ отъ единого воображенія, что они грѣхами своими прогнѣвали Бога. Сюда относится и слѣдующій стихъ гдѣ Пророкъ говоритъ, что онъ цѣлыя нощи безъ сна препровождалъ, и что Богъ не давалъ ему облегченія. Ибо какъ ночь обыкновенно раздѣляется на многія стражи, то въ преносномъ смыслѣ нарицаетъ здѣсь стражбами скорбь свою, которая отнимала у него сонъ. Чего же ради, немного выше сказавъ: *гласомъ моимъ ко Господу воззвахъ*, — нынѣ глаголетъ: *смятохся и не глаголахъ*? Сей вопросъ рѣшится тѣмъ, что вѣрныя, будучи обременены печалію, не хранятъ равномернаго расположенія духа, но иногда употребляютъ стенаніе и плачь, а иногда, какъ бы сомкнувши уста, умолкаютъ: почему не удивительно, ежели Пророкъ признается здѣсь, что онъ такъ угнетенъ былъ бѣдствіями, что даже и гласа не испускалъ.

6) Помыслихъ дни первыя, и лѣта вѣчныхъ помянухъ, и подвижца:

7) Нощію сердцемъ моимъ размышляхъ (въ Евр. *размышляхъ*), и тяжѣше (въ Евр. *и испытываше*) духъ мой.

Нѣтъ сомнѣнія, что Пророкъ воспоминаетъ здѣсь о прежнемъ благоденствіи своемъ, и тѣмъ тщится умягчить жестокость скорби своея. Итакъ, подъ именемъ *дней первыхъ и лѣтъ вѣчныхъ* многіе претекшіе благополучныя годы объемлетъ мыслію. Ибо вѣрныя должны помнить и живо предъ очи свои представлять не токмо тѣ благодѣянія Божіи, коими они наслаждаются нынѣ, но и тѣ, которыя явилъ Богъ церкви Своей въ бѣдственныхъ ея обстоятельствахъ во всѣ претекшія времена. Впрочемъ, изъ связи стиховъ видѣть можно, что Пророкъ не о вѣрныхъ глаголетъ здѣсь, но о себѣ самомъ, припоминая прежнія милости Божіи, которыя дозналъ онъ собственнымъ опытомъ своимъ. Ибо полагая глаголь *поучахся*, безъ сомнѣнія, означаетъ благодарственныя чувствованія, которыми онъ во время радостныхъ и благополучныхъ обстоятельствъ часто занимался. Хотя бо нѣтъ лучшаго средства ко уврачеваніюлежащихъ золь кромѣ сего, о которомъ выше сказали мы: но врагъ нашъ діаволь часто хитрымъ образомъ отъемлетъ у насъ благодѣянія Божіи, дабы лишеніемъ оныхъ чувствительнѣе уязвить сердца наши. Почему вѣроятно, что и Пророкъ, сравнивая прежнее благополучное время съ настоящими бѣдствіями, горестными чувствованіями внутренно терзался. Сего ради и о нощи съ намѣреніемъ упоминаетъ, яко о такомъ обстоятельствѣ времени, которое раждаетъ многія печальныя мысли, когда бываемъ уединены и удалены отъ взора людей. Таковую же силу имѣютъ и слѣдующія вскорѣ за симъ слова: *сердцемъ моимъ размышляхъ*. Ибо уединеніе приноситъ съ собою то, что люди собираются съ мыслями, глубже испытываютъ самихъ себя и, при отсутствіи свидѣтелей, свободнѣе съ собою разглагольствуютъ. Послѣдній членъ седмаго стиха двоякій имѣетъ разумъ. Нѣкоторые подразумеваютъ здѣсь имя Божіе, и переводятъ такъ: *Богъ испытываше духъ мой*, аки бы сказалъ Пророкъ: Господи, нѣтъ ничего толь сокровеннаго въ сердцѣ моемъ, куда бы Ты не проникъ. Но переводъ семидесяти толковниковъ согласенъ здѣсь съ оригинальнымъ текстомъ, и лучше связывается съ предыдущими словами. Пророкъ убо при ономъ размышленіи, о которомъ недавно упомянулъ, испытывалъ себя: чего бы ради претерпѣвалъ толикія скорби, и какой будетъ конецъ бѣдствіямъ его? *Нощію*, глаголетъ, *сердцемъ моимъ размышляхъ, и испытываше духъ мой*. Потомъ повѣствуетъ, что онъ, собирая отвсюду утѣшительныя средства, никакого облегченія въ скорби своей не обрѣлъ, и потому паки обращая къ Богу, глаголетъ:

8) Бѣда во вѣки не оставитъ гдѣ; и не приложитъ благоволити паки;

9) Или до конца мѣтъ твоихъ не оставитъ, (бѣда) конча глаголюще въ рѣдъ къ рѣдъ;

Сей есть плодъ тѣхъ испытаній, въ которыхъ упражнялся Пророкъ нощію сердцемъ своимъ. Между тѣмъ прикровенно означаетъ, что онъ отъ долговременнаго продолженія золь почти совсѣмъ изнемогъ. Ибо не прежде произнесъ сей гласъ, какъ развѣ по долговременномъ терпѣніи, такъ что доселѣ и подумать не смѣлъ, чтобы Богъ когда либо умилостивился. Впрочемъ, прилично сказалъ: *еда не приложитъ благоволити паки*? Понеже Богъ съ тѣмъ намѣреніемъ являетъ къ намъ благоволеніе Свое, дабы оное до конца жизни нашей продолжить; но мы часто лишаемся онаго по причинѣ грѣховъ нашихъ. Итакъ, не жалобу приноситъ на Бога, но, самъ съ собою разсуждая,

умословствуетъ отъ свойства Божія, что нельзя тому стать, чтобъ Богъ не продолжилъ благоволенія Своего къ благочестивымъ людямъ, которыхъ Онъ единожды навсегда отечески возлюбилъ. Почему какъ здѣсь изъ благоволенія Божія, яко изъ источника, вывелъ тѣмъ благодѣянія, которыя отъ руки Его пріемлютъ вѣрныя, такъ немного послѣ присовокупляетъ милость, глаголя: *или до конца милость Свою отсѣчетъ?* Аки бы сказалъ: Богъ, Котораго существо есть неизмѣнно, пресѣчетъ ли теченіе отеческія милости Своея? Отсюда видимъ, какимъ образомъ Пророкъ чрезъ противоположеніе милости Божіей отражаетъ прираженія искушеній. Слѣдующими вопросительными словами: *егда сконча глаголь отъ рода въ родъ?* означаетъ, что Богъ не положилъ непремѣннаго и вѣчнаго опредѣленія, дабы никогда не примиряться съ человѣкомъ. Между тѣмъ однако прикровенно назнаменуетъ, что онъ лишается всякаго утѣшенія; понеже къ подкрѣпленію вѣры не имѣетъ никакого обѣтованія. А сіе есть крайнее для человѣка несчастіе, когда Богъ отъемлетъ у него то, въ чемъ заключается спасеніе его. Здѣсь, ежели скажетъ кто, что тотъ не могъ лишень быть Божія глагола, у кого законъ былъ въ рукахъ; на сіе отвѣствуемъ, что по тогдашнимъ обстоятельствамъ времени нужны были особенныя для людей обѣтованія. Почему и во псалмѣ 73, подъ стихомъ 9, жаловались вѣрныя, что они не видѣли обыкновенныхъ знаменій, и не имѣли къ тому Пророка, который бы утѣшилъ ихъ. А Пророкъ имѣлъ обыкновеніе въ случаяхъ сомнительныхъ и трудныхъ вопрошать Бога, отъ Котораго и получалъ отвѣты. Сіе утѣшеніе ежели въ тогдашнихъ злоключеніяхъ было отнято у Давида, то онъ справедливо сѣтуетъ, что не имѣетъ глагола, могущаго подкрѣпить вѣру его. Къ сему присовокупи и то, что хотя иногда слово Божіе и приносится къ намъ, однако оно не вселяется въ насъ; понеже такъ бываемъ стѣснены горестію, что никакого утѣшенія не пріемлемъ. Поистиннѣ, такое состояніе весьма печально и горестно; однако оно не должно утѣшать въ насъ охоты къ молитвѣ. Сего ради присовокупляетъ:

10) *Ѣддѣ завѣдѣтѣ оуцѣдѣрѣтѣ бѣгъ; илѣ оудѣрѣжѣтѣ во гнѣвѣхъ своѣмъ щедроты своѣ;*

Пророкъ продолжаетъ слово, будучи въ недоумѣніи своемъ; однако намѣреніе его не то, чтобъ колебаться въ надеждѣ, но чтобъ болѣе подкрѣпить оную. Ибо вопрошаетъ не о вещи сомнительной, но такъ, какъ бы сказалъ: ужели Богъ забылъ Себя Самого? или перемѣнилъ существо Свое? Ибо Богъ не можетъ быть Богомъ, не бывъ купно милостивъ. Признаться должно, что Давидъ, яко человѣкъ, не могъ не поколебаться иногда, такъ какъ бы имѣлъ желѣзное сердце: но онъ чѣмъ сильнѣе колеблемъ былъ, тѣмъ тверже придерживался ученія сего, что благость Божія такъ сопряжена съ существомъ Его, что невозможно не быть Ему милосердымъ. Ту же силу имѣетъ и послѣдній членъ: *или удержитъ во гнѣвѣхъ Своемъ щедроты Своя?* Ибо удобнѣе Богу удержать гнѣвъ Свой, нежели милость Свою. Сего ради еще и праведно гнѣвается на грѣшниковъ, обаче и въ самомъ гнѣвѣ не удерживаетъ милости Своея, но изливаетъ ю, и тако гнѣвъ укрощаетъ. Сіе изреченіе, что Богъ есть *долготерпѣливъ, косенъ ко гнѣву, и удобопреклоненъ къ прощенію*, — всегда было въ употребленіи у святыхъ Пророковъ. Почему и Аввакумъ въ пѣсни своей употребилъ оное, сказавъ: *во гнѣвѣхъ милость Твою помянеши* (Аввак. 3, 2). Пророкъ убо отсюда заключаетъ, что наказаніе, которое онъ чувствуетъ, не воспрепятствуетъ Богу паки умилостивиться и обычныя благодѣянія явить ему: понеже не иначе, какъ на краткое время гнѣвается, паче же и знаки гнѣва являя, нѣжно любить тѣхъ, коихъ наказуетъ. Правда, гнѣвъ Его вѣчно пребываетъ на ожесточенныхъ и нераскаянныхъ: но Пророкъ, полагая себя въ числѣ сыновъ Божіихъ и говоря о прочихъ вѣрныхъ, отъ невозможнаго справедливо доказываетъ, что временный гнѣвъ Божій не пресѣкаетъ теченія милости.

11) *И рѣхъ: нѣнѣхъ начѣхъ, илѣ нѣзмѣна десницъ вышнагъ.*

Пророкъ уже смѣлѣе здѣсь возстаетъ противъ тѣхъ искушеній, которыя превозмогали терпѣніе его, почему какъ бы такъ говорить: я теперь отдыхать начинаю отъ той скорби и печали, которою прежде одержимъ былъ. Сію перемѣну приписываетъ единственно всемогущей десницѣ Божіей. Сего ради присовокупляетъ:

12) *Поманѣхъ дѣла гдѣна: ѣкѣ поманѣ ѿ началъ чѣдѣлѣ твоѣ.*

13) *И позѣхъ во вѣхъхъ дѣлѣхъ твоихъ, и въ начинаніихъ твоихъ поглядѣю.*

Сіє воспоминаніє дѣль Божіихъ различествуєть отъ онаго, о которомъ упомянулъ въ стихѣ 4. Ибо тогда, какъ бы издали, взиралъ на благодѣянія Божіи, которыя не могли еще облегчить или уменьшить скорбь его; а здѣсь взираєть на нихъ ближе, яко на извѣстныя свидѣтельства всегдашнія милости, и потому съ большимъ движеніемъ духа повторяєть изреченіє, между тѣмъ полагая еще и подтвержденіє. Ибо частица *яко* въ семь мѣстѣхъ положена вмѣсто *воистинну*. Почему, яко побѣдитель, радуєтся и веселится, вспоминая дѣла Божіи; понеже крѣпко удостовѣренъ єсть, что Богъ таковъ же будетъ къ нему, каковъ былъ сначала. Во второмъ членѣ величественными словами превозноситъ Божію силу, которую явилъ Онъ во избавленіи рабовъ Своихъ. Сущность словъ состоить въ томъ, что чудная сила Господа Бога, которую всегда употреблялъ Онъ, защищая рабовъ Своихъ, довлѣєтъ къ преодолѣнію всѣхъ скорбей и страданій, ежели только мы прилежно будемъ разсуждать о ней и памятовать чудныя дѣла Божіи.

14) *Нѣже, во стѣмъхъ пѣть твоѣхъ: кто бѣхъ велиій ѡакъ бѣхъ нашъ;*

Реченіє *во святѣмъ* должно относить здѣсь къ небу и разумѣть такъ, что пути Господни превыше міра возносятся, и что надлежитъ намъ восходить мыслию превыше всѣхъ небесъ, ежели желаемъ познать ихъ прямо. Ибо хотя нѣкоторою частію и изъ творенія міра познаемъ дѣла Божіи, но сіє познаніє всегда остается ниже неизмѣренныя оныя высоты. Къ сему присовокупи и то, что никто совершенно величества оныхъ постигнуть не можетъ, развѣ тотъ, кто вѣрою восходитъ на небо: но и тогда остается еще долгъ со благоговѣніемъ взирать на сокровенную Божію премудрость и силу, проявляемую въ дѣлахъ Его и превосходящую понятіє нашего ума. Почему и Пророкъ, который сначала печальныя произносилъ жалобы, нынѣ съ радостнымъ и спокойнымъ духомъ чудится высокимъ путямъ Божіимъ и, сознавая немощь свою, съ кротостію и благоразуміемъ удерживаетъ себя въ надлежащихъ предѣлахъ повиненія, ниже дерзаетъ судить о сокровенныхъ Божіихъ судьбахъ по мудрованію плоти. Сего ради восклицаетъ: *кто Богъ велиій яко Богъ нашъ?* Симъ сравненіемъ не означаетъ многого числа боговъ, но косвенно порицаетъ безуміє міра, который, не довольствуясь единымъ Богомъ, Егоже слава толико видима єсть, многихъ боговъ устрояєть. Ибо ежели бы люди взирали чистыми очами на Божіи дѣла, то легко могли бы успокоиваться въ Немъ единомъ.

15) *Ты єси бѣхъ творѣній чудесъ: казала єси въ людехъ инаѣ твоѣ.*

Сими словами подтверждаетъ ту же мысль, доказывая величество Божіє отъ чудныхъ дѣлъ: аки бы сказала, что онъ не о сокровенномъ Божіемъ существѣ, объемлющемъ небо и землю, глаголетъ, но о тѣхъ чудесныхъ доказательствахъ силы, премудрости, благости и правды, которыя явно зрятся, хотя и превосходятъ мѣру понятія нашего. А отсюда научаемся, что слава Божія гораздо ближе къ намъ, и яснѣе видима, нежели чтобъ могли мы праведно извинить себя невѣдѣніемъ оныя. Ибо Богъ такъ чудесно дѣйствуетъ, что и самые язычники не могутъ извиниться слѣпотою своею. Сего ради приложилъ: *сказала єси въ людехъ силу Твою*, что хотя ко избавленію церкви относится, однако показываетъ и то, что не можно не видѣть Божіей славы безъ нечестія, которую толь сильно и ясно явилъ Самъ Богъ народамъ.

16) *Израилъ єси мышцею твоєю люди твоѣ, сыны ѡквѣли и ѡинфѣвы.*

Паче всѣхъ иныхъ чудесъ Божіихъ прославляетъ избавленіє народа Израильскаго, къ воспоминанію коего Духъ Святыи повсюду призываетъ благочестивыхъ, дабы тѣмъ лучше питали надежду спасенія своего. Когда и какимъ образомъ Богъ содѣлалъ чудо сіє, явя оное всѣмъ народамъ, — сіє весьма извѣстно. А хотя, по дѣйству сатаны, многими баснями искажена истина повѣствованія сего: но сіє приписывать должно злобѣ языческихъ писателей, кои, будучи очевидными свидѣтелями, извѣстную вещь злонамѣренно покрыли мракомъ. Они не устыдились назвать Моисея волхвомъ, или паче чародѣемъ, какъ пишетъ Іосифъ Флавій въ книгахъ своихъ противъ Аппіова. Но намѣреніє Пророка не столько относится къ тому, чтобъ изобличить язычниковъ въ неблагодарности и злобѣ, сколько къ тому, чтобъ взять отсюда какъ для себя, такъ и для другихъ сыновъ Божіихъ случай къ утѣшенію. Ибо отъ тогдашняго времени на всѣ вѣки явилъ Господь чудный примѣръ любви Своея къ избраннымъ. *Мышца*, въ преносномъ смыслѣ, беретъ

здѣсь за приснопамятную Божию силу: понеже Господь не тайно, ниже обыкновеннымъ образомъ избавилъ Свой народъ, но явѣ простертою мышцею. Упомянувъ о Іаковѣ и Іосифѣ, показываетъ причину, чего ради Богъ полагаетъ Израильтянъ въ числѣ избранныхъ, а именно: ради завѣта, утвержденного съ святыми праотцами ихъ. Хотя же и два колѣна происходили отъ двухъ сыновъ Іосифовыхъ (а именно, Ефремово и Веніаминово), и имѣли общее начало отъ Іакова, но имя Іосифа особенно изображается потому, что сѣмя Авраамово содѣйствіемъ и помощію его все сохранено было невредимо.

17) *Видѣша члѣ воды, бѣже, видѣша члѣ воды и оубоаша: сматѣша бѣздны.*

Здѣсь вкратцѣ упоминаетъ о нѣкоторыхъ чудесахъ, содѣянныхъ мышцею Бога. Приписываетъ водамъ видѣніе Бога въ иносказательномъ разумѣ, показывая, что воды, будучи подвигнуты какъ бы сокровеннымъ нѣкоторымъ побужденіемъ, повинулися повелѣнію Его и дали свободный проходъ избранному народу. Богъ симъ чудомъ показалъ, что и неодушевленные стихіи всегда готовы повиноваться Ему. Ибо ни Чермное море, ни Іорданъ, обратя теченіе свое вспять, не перемѣнили бы естества своего, ежели бы не возчувствовали Божіей силы — не потому, аки бы были разумомъ и чувствомъ одарены, но поелику Богу такъ угодно было. Слова, присовокупляемая о безднахъ, ту же имѣютъ силу, аки бы сказано было, что не одна токмо поверхность водъ поражена была Божіимъ взоромъ, но что сила Его проникла даже и до самыхъ глубочайшихъ безднъ.

18) *Множество шѣма бѣдъ: глѣз дѣша шѣлацы, ико стрѣлы твоѣ прехѣдѣтъ.*

19) *Глѣз грома твоегѣ въ колеси (въ Евр. въ крѣговѣрацінін), шѣвѣтѣша молніѣ твоѣ вселеннѣю: подвѣжеша и трѣпетна бысть земля.*

Сими словами изображаетъ Пророкъ, что не одно токмо море и рѣка Іорданъ оказали достоюжную честь Богу, но еще и воды, висящія на облакахъ: понеже небо, потрясенное громомъ, сильный дождь произвело. Сими словами Пророкъ еще научаетъ, что куда бы люди ни обратили свои очи, то повсюду, и горѣ и низу, и на небеси и въ безднахъ узрять чудную Божию силу, открывшуюся во избавленіи Израильскаго народа. Впрочемъ неизвѣстно, какую исторію Пророкъ означаетъ здѣсь, — развѣ можетъ быть та, которая повѣствуется въ книгѣ Исхода, въ гл. 9, 23, гдѣ говорится, что Египтяне отъ града, молніи, и грома ужасное претерпѣли поражение. Ибо подъ именемъ *стрѣлъ преходящихъ*, безъ сомнѣнія въ преносномъ смыслѣ, означаются молніи. Сему согласуетъ и слѣдующій стихъ, гдѣ Пророкъ глаголетъ, что *гласъ грома слышанъ былъ въ колеси* — то есть, въ кругообращеніи, или въ небесной сферѣ, — и что молніи оныя освѣтили вселенную даже до потрясенія земли. Вся сущность повѣсти состоитъ въ томъ, что Божія сила при исходѣ народа Израильскаго изъ Египта довольно засвидѣтельствована была и очами и слухомъ всѣхъ, когда и небо гремяло, и весь воздухъ осіявался молніею, и земля сотрясалася отъ страха.

20) *Въ морѣ пѣтѣ твоѣ, и стѣзи твоѣ въ водахъ многихъ, и слѣды твоѣ не познаютѣ.*

21) *Настѣвляз ѣні (въ Евр. Извѣлз ѣні) ѣкв овцы лѣди твоѣ рѣкою мшѣевою и лѣвнѣю.*

Паки иными словами описываетъ чудо, содѣянное Богомъ въ Чермномъ морѣ; ибо все, что собственно касается до Израильтянъ, относитъ къ Богу, подъ руководствомъ Коего прешли они Чермное море по суху. Притомъ показываетъ, что путь, по которому шли они, былъ открытъ необыкновеннымъ образомъ; ибо и море изсушено было, и рѣка (Іорданъ) возвратилася вспять не человѣческою силою, но всемогущею рукою Бога, которая чуднымъ образомъ народъ израильскій провела немокрыми стопами, а Фараона со всѣмъ воинствомъ его во глубинахъ морскихъ потопила. По сей причинѣ глаголетъ: *въ мори путіе Твои, и стези Твои въ водахъ многихъ, но слѣды Твоя не познаются*. Чего ради? Понеже по преведеніи народа возвратилъ водамъ обыкновенное теченіе. Къ сему присовокупляется конецъ или намѣреніе, то есть, избавленіе церкви, которое для всѣхъ благочестивыхъ должно служить вмѣсто изыщнѣйшаго залога ко спасенію. Сравнивая Израильтянъ съ овцами, назнаменуетъ, что не доставало въ нихъ ни разума, ни силы къ произведенію таковаго дѣла, ежели бы Богъ, воспріявъ на Себя должность Пастыря, не превелъ бѣдное стадо Свое чрезъ моря и степи и не ввелъ въ обѣтованную землю. Сіе чудо увеличиваетъ отъ лица

Моисея и Аарона; ибо хотя служеніе ихъ было достопочтенное и приснопамятное, однако симъ обстоятельствомъ немало открылъ Богъ силу Свою, когда двухъ чловѣкъ, низкихъ и презрѣнныхъ, противопоставилъ величайшимъ силамъ прегордаго царя! Что бо могъ воздѣйствовать жезлъ пастуха и гласъ бѣднаго изгнанника противъ страшнаго онаго тиранна и противъ всего воинства его? Отсюда убо наипаче просіяла Божія сила, когда въ сосудахъ оныхъ скудельныхъ и бранныхъ тако воздѣйствовала.

По книге: ТОЛКОВАНІЕ НА ПСАЛТИРЬ, по тексту еврейскому и греческому, истолкованное тщаніемъ и трудами Святѣйшаго Правительствующаго Синода Члена, покойнаго Архіепископа Псковскаго, Лифляндскаго и Курляндскаго и Кавалера, ИРИНЕЯ. Изданіе девятое. Часть первая. МОСКВА. Синодальная Типографія. 1903 г.
1.00.8